

Клара ХАФИЗОВА

Клара Шайсултановна Хафизова – востоковед, китаевед, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Международного центра сближения культур (2-й категории ЮНЕСКО) Министерства культуры и информации РК. Специалист по китайским источникам народов Центральной Азии, международных отношений и политике Китая в регионе. Автор пяти монографий, автор и соавтор пяти сборников китайских источников. Награждена орденом «Парасат», медалью А. Байтурсынова, отмечена нагрудными знаками «За вклад в науку» и «Барыс».

СЛУЖА ПРАВДЕ, А НЕ КОНЪЮНКТУРЕ

*Окно в творческую лабораторию историка
Натальи Геннадьевны Аполловой (1898–1993)*

Встречи и общение с доктором исторических наук, московским ученым Натальей Геннадьевной Аполловой в 70–80-х годах прошлого века оставили в моей памяти глубокий след. Она была одной из образованнейших женщин своего времени, интересовалась поэзией и живописью Востока. Также у неё были свои методы работы над источниками. Я как бы заглянула в окно её научной «лаборатории». Сожалею лишь о том, что у меня нет ни одного её фото. Беседы с нею на разные темы истории Казахстана, её отзывы на работы других историков и личные её мнения об авторах были весьма индивидуальными, довольно резкими. Наиболее интересными для меня были её рассказы о работе в Казахстане, об обстоятельствах подготовки коллективных работ по истории Казахстана.

Академическая «История Казахской ССР» в двух томах (1957) являлась настольной книгой казахстанских специалистов. Она была издана через четырнадцать лет после пущенной под нож «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», изданной в Алма-Ате в 1943 году под редакцией секретаря по идеологии ЦК КП Казахстана М. А. Абдыкалыкова и легендарного историка А. М. Панкратовой. Отклонена она была потому, что в ней якобы был искаженно представлен вопрос о присоединении Казахстана к России. После этого восторжествовало мнение некоторых историков о том, что так называемое «присоединение» было представлено в ней «как абсолютное зло». Надо сказать, что оба издания – как книга 1943 года, так и двухтомник 1957 года – были подготовлены с помощью крупных советских (русских) ученых, эвакуированных во время войны, а также командированных в Казахстан после войны.

Процесс присоединения изучался преимущественно на основании русских архивных материалов. Но тут в 1947 году увидела свет монография Н. Г. Аполловой о добровольном присоединении Казахстана к России, написанная на основании её кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1945 году. Она пришлась как нельзя кстати для советской идеологии после экзекуции над коллективным трудом 1943 года. На приеме в честь победы в Великой Отечественной войне генералиссимус И. В. Сталин провозгласил тост за русский народ, за его вклад в

победу, призвал все народы СССР сплотиться вокруг него. В годы войны с фашизмом воспевались русские полководцы, в том числе те, кто расправлялся со своим восставшим народом по всем правилам военного искусства, а наравне с ним также с представителями народов, которые вели национально-освободительную борьбу против Российской империи. После Отечественной войны утверждение о России «как тюрьме народов», как охарактеризовывали большевики свергнутый ими режим, стало не только не актуальным, но и опасным. Историков, писателей, особенно национальных окраин, продолжавших писать в этом аспекте, стали обвинять в «национализме» и прочих сопутствующих этому понятию «грехах». Коммунистическая партия, И. В. Сталин считали, что советскому народу необходимо объединиться и сплотиться вокруг русского народа для преодоления чудовищных последствий войны. Следовало «залезать раны», не копать в прошлых обидах, забыть их и вместе приступить к строительству светлого будущего. Следовало находить положительные стороны отношений многочисленных народов с русскими, с Россией, отражать их в истории, литературе, искусстве и всемерно использовать эти стороны в идеологической борьбе и пропаганде. В идеологическом аспекте монография Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века», обращавшая внимание на прогрессивные последствия «присоединения» Казахстана к крепостнической России, в то время стала чрезвычайно актуальной и необходимой.

Сегодня я знаю, убеждена, что история, как наука, всегда мстит за ревностную службу актуальности в идеологическом, политическом значении этого слова. Актуальным в науке должно быть то, что слабо изучено на основании надежных документов и других источников. Идея добровольности присоединений, включения территорий народов в Российскую империю после теории о России как о «тюрьме народов» означала откат в другую крайность, а потому не могла соответствовать исторической правде. Также после общения с Натальей Геннадьевной я поняла, что она и не думала о том, что возможно было подобным образом раскрутить её скромную диссертацию во всесоюзной идеологической борьбе. Она сама была удивлена этим. И тем, что именно в Казахстане будет издана диссертация с главным утверждением о «добровольности присоединения». Также я уверена в том, что она не руководствовалась карьерными соображениями. Она обратила внимание на факты обращения к покровительству России от отдельных правителей казахского народа, уставшего от бесконечной войны с джунгарами. К тому же историк точно очертила и период «добровольности» – 30-е годы XVIII века. В то время кочевники представлялись «варварами», не могло быть и речи о кочевой цивилизации. Поэтому любое обращение к оседло-земледельческим странам трактовалось как «обращение» их к цивилизации.

Аполлова как историк формировалась в европоцентристской школе историописания. Кроме того, вслед за ней остальные историки национальных республик должны были оперировать понятиями «подданство» и всеми относящимися к нему характеристиками почти так же, как к современному понятию «гражданства», что было натяжкой и не соответствовало тому конкретному историческому периоду. Многие понятия и термины международных отношений в бывших государствах и владениях кочевых народов были иными. Международные и межгосударственные отношения не были изучены с точки зрения общественного и политического устройства этих государств, их специфики. А тем более в аспекте научной политологии. Более того, подхватив у Натальи Геннадьевны факт обращения хана Младшего жуза к помощи в междоусобной борьбе казахских султанов и ханов за всеказахский трон, его стали преподносить как добровольное присоединение казахов всех регионов и распространять на весь XIX век.

Случилось так, что именно в период написания монографии Аполловой архивы Коллегии иностранных дел, преобразованной затем в Министерство иностранных дел Российской империи, были объединены в АВПр, ныне Архив внешней политики Российской империи. В связи с этим ссылки на архивные документы в труде Натальи Геннадьевны порой относились к периоду их хранения в Центральном государственном архиве древних актов. Немаловажно также и то, что её монографию официально издали в Казахстане по инициативе правительства КазССР. Историки Казахстана еще точно не выявили, произошло ли это по собственной инициативе Министерства образования или было рекомендовано Москвой после окончания войны. Как известно, в годы Великой Отечественной войны из европейской части Российской Федерации, Украинской Республики и Белорусской Республики в Среднюю Азию и Казахстан были эвакуированы предприятия, рабочие и инженеры, а также ученые. Именно эти ученые написали в годы войны правдивую историю Казахстана, которая была изъята из обращения.

После войны Наталью Геннадьевну наряду с другими российскими учеными привлекли к работе над «Историей Казахстана». Вот тут чиновники от науки, карьеристы и «правовверные» от марксизма сумели взять руководство подготовкой двухтомника в свои руки. Некоторые из них никогда не работали в главных архивах, к примеру, в ЦГАДА, и представление о «добровольном присоединении», исходившее от отдельного национального района, распространили на всю территорию проживания казахов. По её словам, они-то и стали стараться отбить у неё порученный ей раздел. Аполлова рассказывала мне в Москве, что она покинула Казахстан совершенно больной, по её выражению, она «еле унесла ноги». По её словам, раздел, который она подготовила, был переписан и включен в книгу под другим именем, именем человека, не этнического казаха, «лебединой песней» которого был труд «В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии» (Алма-Ата, 1977). Этот автор и его команда издавали брошюры с опровержениями буржуазной историографии языком скорее «желтой прессы», нежели научным. Всю жизнь Аполлова не могла преодолеть неприязненные чувства к тем, кто подхватил её мысль о «добровольном» присоединении и раздул её чуть ли не до гротеска. Она называла подобных людей почему-то «французами», стремившимися любыми способами захватить лидирующее положение в науке национальных окраин. Да и Москва не была исключением. По её мнению, у подобных людей было умение сговариваться, сбиваться в группы по всей стране и находить пути к партийной власти.

Я также лично сталкивалась с тем, что самыми, на первый взгляд, «безобидными» действиями с их стороны были старания препятствовать получению новой научной литературы людьми не из их круга. Новинки специально загонялись в спецхраны институтов и крупных библиотек, эта участь постигла и труды ряда зарубежных и отечественных ученых. Вырезались выписки из них в пронумерованных и прошитых тетрадях тех, кто работал в архивах Москвы. Были ограничения и в том, чтобы получить на руки обнаруженные ими архивные документы разных фондов. Наверное, коллаборационисты испытывали к ней, Аполловой, ненависть и зависть, что не кому-либо из них, а скромной труженице науки из Саратова, лишенной амбиций, пришла в голову идея «добровольного присоединения», созвучная национальной политике послевоенной разоренной страны. Она-то писала работы на основании фактов «добровольности» отдельных правителей, а идеологическая пропаганда сделала эту идею тотальной. Поэтому Наталья Геннадьевна испытывала чувство сродни злорадству (это сильное слово, но лучшего не подберу), что «обскакала» их в этом. Я поняла её только после того, как и меня лично коснулось то, о чём она говорила, и именно в связи с первым томом «Истории Казахской ССР» 1957 года, именно с теми разделами, об устранении её участия в которых с болью в душе говорила Н. Г. Аполлова.

Приведу удивительный, можно сказать, детективный случай с молодым китаеведом – выпускником ЛГУ им. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет), который должен был по просьбе перехватившего тему Н. Г. Аполловой человека дополнить раздел китайскими сюжетами. Кроме того, ему поручили предварительную вычитку текста рукописи «Истории КазССР» 1957 года. Не обнаружив своего имени среди авторов, молодой китаевед хулигански внес в него несурязицу. Каковы же были его удивление и испуг, когда он увидел этот сюжет напечатанным! Об этом случае, подвыпив, он как-то рассказал и мне. А я, будучи аспирантом, оказалась лицом к лицу с тем самым «перехватчиком» темы Аполловой, ставшим большим начальником в науке, когда отчитывалась об учебе в аспирантуре Института востоковедения на Ученом совете Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Я между прочим сказала, что не нашла подтверждения факту, приведенному в «Истории Казахской ССР» 1957 года на странице 264: «В 1768 г. богдыхан потребовал послать тысячу юношей, тысячу девушек-наложниц и тысячу коней». Кроме того, река Аягуз названа в книге Агузя. В этой книге дань дружественным отношениям СССР и образовавшейся в 1949 году КНР выражена в приписанных наивных словах в духе того времени: «...политика цинских феодалов, конечно, не имела ничего общего с интересами и стремлениями китайского народа, также страдавшего под тяжестью феодального гнета». В ходе своего отчета в молодом запале я сказала, что такого факта в китайских сочинениях я не обнаружила. Тем самым я, также не думая и не гадая, еще не защитив диссертацию, обрела недоброжелателя в лице того же человека, что и Наталья Геннадьевна.

Наталья Геннадьевна писала свои труды, опираясь на достоверные архивные факты, не выдумывала их, однако объясняла их с помощью исторических тенденций согласно своим воззрениям и убеждениям. Иногда думаешь, что теория относительности имеет прямое отношение и к историческим фактам. Факт похож на бриллиант, грани которого блестят, ослепляют и завораживают при его малейшем повороте. Факт является многогранным явлением, и ни одно поколение не может узреть все его грани. Каждое поколение видит только то, что приобретает вдруг практическое значение в его время.

Доказательством объективности Н. Г. Аполловой в отношении к теме включения земель казахов к Российской империи является и то, что она не мешала творчеству молодых казахстанских аспирантов и ученых. Это я вижу прежде всего в отношении Натальи Геннадьевны к своему аспиранту из Алма-Аты Аяпбергену Сабырханову (1937–1987), хотя тот, по существу, опровергал её главную идею и кое-что из того, что из этой идеи вытекает. Начал он с того, что старался выяснить, что вкладывали в понятие «подданство» и как принимали его согласно своим традициям кочевые правители. А это понимание не совпадало с тем, что пыталась официально навязать советская историография 50–60-х годов, хотя многие документы Коллегии (Министерства) иностранных дел и царской пограничной администрации, рапорты официальных и многочисленных тайных послов прекрасно показывали истинное положение дела. Аяпберген Сабырханов был индологом по специальности, выпускником восточного факультета ТашГУ (САГУ), как и многие востоковеды в то время поневоле посвятившим жизнь казахстанике, так как не было в республике другого применения их образованию. Аяпберген Сабырханов, единственный аспирант Натальи Геннадьевны из Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, трагически скончался в конце 70-х годов XX столетия. Он окончил индийское отделение востфака САГУ в 1959 году, в 1965-м защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Москве, в Институте истории АН СССР. Отдел аспирантуры этого головного института назначил научным руководителем Наталью Геннадьевну как известного специ-

алиста по истории Казахстана. Автореферат диссертации Аяпбергена Сабырханова, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук, составляет всего 19 страниц. Не знаю, что Наталья Геннадьевна говорила за кулуарами и в течение трехлетней учебы Аяпбергена, но без её поддержки он не мог бы дойти до успешной защиты. Она, прекрасно видя, что он критически относится к некоторым положениям её монографии, фактически опровергает их, проявила, тем не менее, к автору предельно частное отношение, уважение к его позиции, и Сабырханов беспрепятственно стал кандидатом наук.

Она также никогда не вредила дочери Ермухана Бекмахановича Наиле Бекмахановой и лично мне, изучавшим казахско-китайские отношения, само существование которых было мало исследовано и оценивалось только в зависимости от состояния российско-китайских и меняющихся советско-китайских отношений. И она не стала поддерживать В. Я. Басина, сколько бы её ни уламывали другие ученые, а также просил её сам диссертант, хотя ни прямо, ни косвенно он не выступал против неё, да и вообще против кого бы то ни было. Он верно служил Бекежану Сулейменовичу Сулейменову (1912–1984), его поддерживал и противник Бекежана Сулейменовича – Г. Ф. Дахшлейгер (1919–1983), высмеивающий идею об использовании казахских шежиры в исторических трудах в качестве устных, но всё же исторических источников. То, что Наталья Геннадьевна не стала препятствовать Аяпбергену Сабырханову в защите диссертации, свидетельствует не только о её порядочности, но и о понимании ею истинной науки и того, как её достижения и поиски безжалостно утилитарно использовались в политических целях. Тут на память мне приходят судьбы древних китайских историков, заложивших фундамент китайского историописания, первый из которых был оскроплен, второй освобожден лишь перед смертью из заключения, а третий казнен в связи с участием в бунте одной политической группировки. Это случилось в эпоху Хань на рубеже новой эры. А если вспомнить о жертвах в годы «Культурной революции» в КНР 70-х годов прошлого века?

После приезда в Москву для учебы в аспирантуре Института востоковедения АН СССР я при первой возможности нанесла визит Наталье Геннадьевне. Она очень приветливо встретила меня, удивилась, что я в ситуации того времени, то есть резкого ухудшения советско-китайских отношений, выбрала сложную тему казахско-китайских (цинских) отношений, совпадавших с изучаемым ею периодом казахско-русских отношений. Но одобрила её, с некоторыми сомнениями и с нескрываемым любопытством, когда узнала, что я учила китайский язык и намерена изучать проблему на основании не только фондов русских архивов, но и китайских источников. Объяснила Наталье Геннадьевне, что мне придется изучать язык XVIII–XIX вв., который отличается от современного, в том числе и по более сложной иероглифике. Этому Наталье Геннадьевна, изучавшая русские документы XVI–XVIII, не удивилась. Она сказала мне, что не всё так просто и с русскими документами, что мне одновременно придется изучать русское письмо того времени. И это также требует энтузиазма и немалого времени. Я знаю молодых ученых, которые отказались изучать указанный период истории из-за русского уставного письма.

Наталья Геннадьевна подарила мне свою книгу «Хозяйственное освоение Прииртышья...» 25 сентября 1976 года, в год издания, с лаконичной надписью, но с обращением: «Дорогой Кларе Шайсултановне», а я знаю, она была со мной правдивой и прямолинейной. Эта книга вместе с другими книгами из собрания моей личной библиотеки передана в Национальную библиотеку РК в Алматы. На некоторых книгах читатель также увидит автографы известных русских китаеведов.

Работу о хозяйственном освоении Восточного Казахстана Н. Г. Аполлова посвятила тщательному описанию и хозяйственной деятельности прежде всего

коренного населения Прииртышья, так как этот благодатный регион, издавна освоенный кочевниками, был необходим империи для её далеко идущих целей. В то же время она, конечно, делала упор на положительных сторонах колонизации края Россией. Аполлова не бросилась обвинять меня в том, что я отрицаю заключения её работы «Присоединение Казахстана к России», имевшей большой идеологический резонанс, о роли России в якобы защите казахов от джунгарского нашествия. Как большой ученый, она понимала, конечно, что исторический процесс является сложным и противоречивым, а особенно сложны международные отношения. Как она в свое время не препятствовала защите и заключениям своего аспиранта Аяпбергана Сабырханова о джунгарско-казахских отношениях, так и не отнеслась критически к моим выводам об извечно враждебных отношениях джунгар и казахов. Естественно, я понимала, почему она не выступила и в поддержку во время моей защиты.

Я заранее привезла Наталье Геннадьевне автореферат диссертации (на 21 страницу) в декабре 1974 года. Я испугалась, но была одновременно и польщена тем, что она выразила желание присутствовать на защите моей кандидатской диссертации в ИВ АН СССР. Но она лишь по-матерински пожурила меня, что я пришла на защиту в брючном трикотажном костюме – тройке. Брюки тогда у женщин только входили в моду. Я показала ей свои красивые югославские сапоги, которые прохудились с внутренней стороны у самой подошвы, но под брюками прореху не было видно. Она ужаснулась, что я в московскую снежную слякоть ходила с мокрыми ногами. Я объяснила, что можно было лишь поставить латку на сапогах, и это было бы заметно, а прореху у самой подошвы не сразу заметишь, и что я не могла позволить себе купить новую зимнюю обувь. Наталья Геннадьевна лишь покачала головой. Как я уже сказала, она не выступила на защите, но само её молчаливое присутствие являлось пусть и не активной, но всё же поддержкой. Тем более что оппонентом диссертации был И. Я. Златкин, автор «Истории Джунгарского ханства». Присутствие 76-летней Натальи Геннадьевны говорит о том, что она старалась доброжелательно следить за ходом изучения общей истории Казахстана XVIII–XIX веков. Её молчание было мне понятно и не обидело меня. Я продолжала наносить ей визиты в каждый свой приезд в Москву. По крайней мере, она не вела тайной борьбы против кого-то. И всегда доброжелательно относилась к молодежи из национальных республик. Это подтверждает и её отношение к дочери Е. Бекмаханова Наиле.

К тому времени я привыкла, что большинство казахстанских ученых не выражало открыто свое мнение после успешной защиты мною кандидатской и докторской диссертаций в Москве. Они обычно не критиковали публично с кафедры, но шептались между собой, а кое-кто и нашептывал неодобрительно о моих работах вышестоящим. Одни в виде шуток и грубовато, а другие с многозначительным видом: «Она отрицает своими трудами добровольный характер присоединения Казахстана к России» и т. п. И под этим предлогом меня долгие годы не публиковали в Казахстане, не давали выступить на конференциях. Отдушиной были лишь ежегодные конференции Института востоковедения «Общество и государство в Китае», где можно было выступить, а материалы конференции публиковались, хотя и ротاپринтным способом. Возможность публиковаться в Казахстане у меня появилась с провозглашением независимости Республики Казахстан. Но это другой разговор.

Наталья Геннадьевна не любила приспособленцев, в то же время она не «топила» молодых за ошибки, позволяла искать нам собственный путь. Поэтому не бросалась обвинять меня в политической неграмотности, но свое отношение ко мне и свое мнение выразила через стихотворения 1981–1983 годов, о чем речь будет ниже.

Я обратила внимание на то, как Наталья Геннадьевна работала с архивными и другими материалами. У неё на столе и рядом находилось множество длинных картонных каталожных коробок, подобных библиотечным. В них она складывала карточки с необходимыми ей выписками из архивов от руки. Она не пользовалась пишущей машинкой дома, а также отказалась от дорогих фотокопий. Она выписывала обширные тексты рукой, от этого у неё на среднем пальце правой руки образовалась мозоль. Я ей тоже показала свою трудовую мозоль от выписок в тетради китайских и русских документов в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Ташкенте и в Китае. В 2017–2021 годах я передала эти тетради, как и ксерокопии документов и книг, в ЦГА РК, где создан Фонд Хафизовой К. Ш. под номером 2436. Имеется ли, и если имеется, где находится фонд Н. Г. Аполловой, неизвестно.

Наталья Геннадьевна листочки с более пространными выписками складывала вчетверо и помещала в разные ящики по имени авторов, а также хронологически или тематически. По мере расширения материала у неё появлялись новые каталожные коробки. Подобным образом она хранила и свои стихи. Ящики были накрыты чистой тканью, в это свое святилище она очень редко кого впускала. Сама она при беседе достаточно быстро находила нужную ей сноску, или название книги, или автора книги.

Меня поражал также аскетический образ жизни Натальи Геннадьевны. Когда я ей звонила, она отвечала: «Приходите ко мне, будем пить свежий индийский чай, я как раз сегодня утром заварила». Утром заваренный чай она пила весь день! Приветливо встречая меня у дверей, она сообщала, что в честь гости к обычной одной консервной банке (чаще рыбной) открыла вторую – мясную. В молодости я с недоумением и с юмором, а со временем – с умилением вспоминала об этом. Она была чрезвычайно неприветлива в пище, смолоду не хотела посвящать много времени её приготовлению. Так и привыкла жить по-спартански, до старости лет справлялась самостоятельно, без всякого ухода кого-либо за ней.

Наталья Геннадьевна любила творчество Рерихов, отца – Николая (1874–1947) и сына его Святослава (1904–1993), возвратившегося из Индии и работавшего в Институте востоковедения АН СССР. Когда открылась специальная экспозиция картин Рерихов, она предложила мне пойти на выставку в Музей Востока, как мне помнится, на улицу Обуха, 16 (музей много раз переезжал, ныне находится на Никитском бульваре). Почему я запомнила адрес? – спросите вы. А потому, что стала подсчитывать, сколько стоит поездка на такси от дома Натальи Геннадьевны с Мичуринского проспекта до музея, чтобы выкроить сумму из аспирантской стипендии. Когда я предложила Наталье Геннадьевне заказать такси, она весело и звонко рассмеялась: «Какое такси?! Поедем на метро!» И мы поехали на метро с пересадками.

Её любимым цветом был синий, а Гималаи, Тибет её очаровывали своей небесной синевой. В 2017 году открылся специальный музей – фонд Рерихов при Музее Востока, удастся ли мне увидеть эту экспозицию в ближайшее время, увы, не знаю. Интересно было посмотреть как на чистые краски картин Николая Рериха, так и на восторг, который появлялся на лице, на мой взгляд, сухого и строгого ученого-педанта. Оказалось, что я ошибалась, вовсе она не педант! Наталья Геннадьевна любила литературу, искусство. В старости сильно увлеклась стихосложением! Ведь все ученые Востока также были поэтами! В один мой приезд Наталья Геннадьевна подарила мне блокнот в красном переплете, на котором было напечатано слово «Москва» на четырех языках. Написала: «На добрую память о встречах в Москве с пожеланиями здоровья и Счастья (именно так, с большой буквы)» и приписана дата – 19.VIII.1981. В блокнот она аккуратно приклеила несколько листов со своими стихотворениями. Альбом сохранился, он находится в моем фонде в ЦГА РК. Как жалею теперь, что затерялись редкие письма и записки

замечательных ученых И. Я. Златкина, С. Л. Тихвинского, В. С. Мясникова, Б. П. Гуревича и моих университетских Устазов – Учителей!

Наталья Геннадьевна заметила, что в течение десяти лет работы над китайскими документами мое зрение намного ухудшилось. Может быть, ей хотелось, чтобы с блеском в глазах слушала её, когда она читала вслух свои стихи. В стихотворении, названном «Ревность», она писала:

*Сличенье с иероглифом – нелегкая задача,
Утрата зренья, воздуха и сна...
Да как же может быть иначе,
Когда в китайскую науку влюблена?
Не будь в обиде, не умею
Такой твой подвиг оценить.
И даже подсказать я права не имею,
Как надобно богаче жизнь любить,
Вливаясь в Музыку, Поэзию, Природу,
В талант души, в крылатые дела!
Ведь всё стремительней бегут взрослеющие годы.
Их не догнать – наука жизнь взяла.*

14 июля 1981 г.

Почему это стихотворение уважаемый мной ученый назвала «Ревность», к кому и чему она ревновала? Почувствовала, как ей показалось, мое равнодушие к поэзии? К моей молодости, быстротечности которой я тогда не понимала? К тому, что могу работать с другим пластом недоступных ей в оригинале источников? Пусть читатель решает сам. В то же время Наталье Геннадьевне нравилось, если я вставляла в свою речь китайские термины, она часто просила меня произносить целые фразы на китайском языке. Внимательно вслушивалась и просила повторить сказанное. И она создала стихи, где упоминала о моей «мяукающей речи» и что-то еще в этом роде. Она дала мне понять, что хотя «лапки» у неё и мягкие, но когти она выпускает неожиданно острые.

В это время Наталье Геннадьевне исполнилось 83 года, ровно столько, сколько мне, когда я приступила к воспоминаниям о ней. Мне казалось, что она представила меня (и себя тоже?) мурлыкающей кошечкой, которую всё же она не решается погладить. Что она в свое время не захотела срезать мне коготки, сама не знает почему, может быть, просто ради забавы. Или боялась сама поранить меня своим высоким требованием к ученому, отрицанием узости его интересов. Ей, наверное, хотелось посмотреть, как далее я буду выживать со своей темой. В то же время она искренно беспокоилась о моем зрении, не понимала, как можно столь ревностно заниматься китайской грамотой, рискуя и зрением, и своей судьбой. Она желала, чтобы я не ограничивалась лишь научной работой, а чувствовала всё богатство и краски неповторимой жизни. Я пришла к такому заключению, достигнув её лет и перечитывая ее стихи. Если я не права, поправь меня, доброжелательный читатель.

Душеприказчицей всего своего письменного наследия, дорогой для её души картотеки с выписками из архивных документов, рукописей Наталья Геннадьевна выбрала казашку – дочь Ермухана Бекмаханова (1915–1966) Наилю. Все её бумаги были сданы в Институт истории АН СССР. По словам Наили, они хранились в шкафах в коридоре института и пропали во время ремонта здания. В то время сама Наили находилась в научной командировке в США. По этой причине она так и не смогла исполнить завещание Учителя. Я надеюсь, что кто-то непременно обнаружит их и напишет о Наталье Геннадьевне, её научном вкладе в казахстану и её неповторимой личности. Сама Наталья Геннадьевна говорила, что на старости лет она стала писать стихотворения, как она выразилась, «чтобы не за-

сохнуть, как веник». Но с какого времени она отсчитывала свою старость, я не спросила в свое время. Признаюсь, я сама также начала писать короткие стихи в стиле японского «танка», но вряд ли осмелюсь показать их чужим...

Наряду с лирическими у Натальи Геннадьевны были убийственно сатирические стихотворения. Не помню, кому она посвящала эти стихи, лично мне знакомых среди них было мало... Я в жизни старалась не заморачиваться чувствами злобы к недругам, они разрушают человека изнутри. Лучше отнестись философски и идти твердо вперед по своей дороге. Во-первых, это-то и бесит твоих недоброжелателей (как заметил тюрколог Наджип Нигматович Мингулов). А во-вторых, когда человек поддается ненависти, получается, что ненавистники моделируют твоё поведение. Лучше любить свою работу, свою тему и заниматься ею с увлечением, невзирая ни на кого и ни на что. Надо, чтобы твоё желание работать, искать и творить было сильнее нежелания этого теми, кто видит угрозу себе просто в твоём существовании. Это мой главный опыт жизни, почерпнутый у Натальи Геннадьевны, женщины в науке.

Из вышесказанного хочу сделать выводы.

1. Наталья Геннадьевна Аполлова не участвовала в издании истории Казахстана 1957 года. Её текст не был принят, и соответствующий раздел писал человек, пришедший из Института марксизма-ленинизма. Возможно, она более критически отнеслась к своим взглядам о добровольности присоединения Казахстана к России, но точно не ожидала резонанса от своих слабо подкреплённых выводов.

2. Она была научным руководителем диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Аяпбергена Сабырханова, который пытался рассмотреть понятие так называемого «подданства» в международных отношениях того времени и в международных отношениях кочевников, их менталитете. По существу, её аспирант отвергал самую суть вопроса, суть термина «подданство», понимаемого в международном праве XIX века. Аполлова не только не пресекала изыскания своего аспиранта, а всячески содействовала защите диссертации.

3. Она также не выступила против диссертации другого аспиранта ИВ АН СССР из Казахстана о казахско-китайских отношениях, в которой они освещались как отношения между Казахским ханством и Цинской империей. Эти отношения продолжались до свержения династии Цин в 1911 году, что косвенно также отрицало её теорию о российском подданстве ханства того времени.

4. В своём стихотворении она в поэтической форме говорит о том, что не хотела препятствовать защите аспирантки, из уст которой она впервые услышала «мяукающую», по её восприятию, китайскую речь. И всё отношение этого ученого, открывшего направление в истории, которое было подхвачено и перенесено чуть ли на всю Среднюю Азию, противоречило исторической правде. Семиречье и среднеазиатские ханства были покорены Российской империей вооружённым путем. Люди, вульгарно подхватившие слова о «добровольном присоединении», сделали карьеру, но не она, оставаясь одним из старших научных сотрудников Института истории АН СССР.

5. Наконец, подтверждением её отказа от этого вывода является её работа о хозяйственном освоении Прииртышья теми, кто жил в этом регионе, а не только русскими. Это свидетельствует о том, что хотя Наталья Геннадьевна Аполлова и не заявляла больше о принципе добровольности, всё же старалась показать положительные стороны политики России в экономическом развитии указанного региона. Она была русской и российским ученым. Но самое главное, она была тружеником науки, ученым, искавшим свои пути самовыражения и самоутверждения.